

**АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ
РОТЧЕВ**

**ВОСПОМИНАНИЯ
РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
О ВЕСТ-ИНДИИ,
КАЛИФОРНИИ
И ОСТ-ИНДИИ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Р79

Ротчев, А. Г.

Р79 Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии / А.Г. Ротчев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 164 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-519-66053-2

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66053-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Панама, январь 1852

Когда испанцы овладели Мехикою [Мексикой]¹ и свет христианства стал разливаться по скромным, тростниковым хижинам индейцев, жил близ гор Сьерра-Мадре, в деревушке Навидад, благочестивый католический священник. Он деятельно занимался спасением душ паствы своей, много читал и жил скромными средствами, которые ему давал приход. Был у него в услужении молодой индеец, уроженец Потозы [Потоси], который иногда ходил от падре в гости к своим родственникам. Однажды падре после обедни увидел на скромном столике своем блестящий песок в небольшой, плетеной корзинке; на это он не обратил особенного внимания. Вскоре пришлось ему писать письмо к одному из своих приятелей в Мехике [Мехико]. Письмо свое он засыпал блестящим песком, стоявшим на столе. Индейцы очень любили духовного отца своего и внимательно смотрели за его привычками, стараясь ему угодить во всем. Видя, что падре нашел такое употребление светлomu песку и что он сыплет его на таинственные знаки, стали являться к нему чаще, и, наконец, почти вся-

¹ *Когда испанцы овладели Мехикою...* — Завоевание Мексики началось с 1519 г. и было завершено к концу XVI в.

кий, приходивший беседовать со священником, приносил ему и щепотку песка.

Приятель, к которому было написано письмо, видно, знал минералогию. В ответе, присланном к падре, он говорил: «Верно, ты очень богат, что посыпаешь письма свои золотым песком». Вот тогда только падре смекнул, в чем дело. Он стал расспрашивать, откуда этот драгоценный песок носят ему индейцы. Но узнать эту тайну было нелегко, а между тем ему продолжали приносить любимый дар. Падре был этим недоволен и непременно требовал, чтоб ему показали дорогу к тому месту, где они добывали песок. В том убеждении, что золото и серебро всегда открывались белыми на пагубу индейцам, долго они не хотели исполнить желания падре; наконец сказали ему: «Падресито! мы тебя так любим, что, пожалуйста, отведем на то место, где добываем этот песок, но с тем, чтоб ты позволил завязать себе глаза». На это условие падре согласился. Индейцы на носилках принесли его в горы. Они пришли к пещере, из которой бил ручей. В пещере ему развязали глаза. Все богатства Аравии и Индии не могли сравниться с тем, что он видел: перед ним горели самородки, и сам он ходил по золотому песку. Поражен был падре и предался золотым мечтам. Из этих обольстительных мечтаний вывел его грубый голос одного из провожатых: «По любви нашей к тебе мы сделали то, чего тебе хотелось; бери же отсюда столько, сколько можешь забрать... хоть все! но уж в другой раз мы тебя сюда не принесем!» Напрасно падре просил и приказывал. Наконец, проводники его, забрав столько

золота, сколько могли унести из этой пещеры, завязали падре глаза и пришли с ним обратно домой.

Падре догадался и уладил дело иначе. В то время как индейцы несли его в деревню, он сыпал по дороге свои четки. Впоследствии по этим зернам белые добрались до сокровищных залеганий Потозы.

Я передаю эту легенду так, как слышал ее здесь. А вот другое предание, в котором один из первых открывателей Америки, Васко Балбоа¹, играет важную роль. Около 1512 года он управлял провинцией Дариэнскою. Однажды солдаты его поссорились между собой, собирая от индейцев дань золотом. Молодой кацик, увидя это, ударом кулака опрокинул весы, на которых Балбоа взвешивал дорогой металл.

«Если вы затем пришли сюда, чтоб ссориться и буйствовать на чужой стороне, то ступайте за мной: я приведу вас в такую землю, где и пьют и едят из золотых сосудов; где золота больше, нежели у вас железа».

Изумленный Балбоа и его товарищи узнали от кацика, что земля эта лежит на полдень, что до нее шесть солнц, то есть шесть дней ходу, и что, дойдя до нее, увидят они неизвестное им море.

Вот эти слова впервые навели европейцев на воды Тихого океана и на золото Перу.

¹ *Васко Балбоа* — Нуньес де Бальбоа, Васко (ок. 1475–1517) — испанский конкистадор, в 1510 г. с группой колонистов был высажен на побережье Дарьенского залива (ныне Панама). Начал завоевание внутренних областей Панамского перешейка. Первый из европейцев увидел Тихий океан.

Балбоа немного думал, не терял времени; с предприимчивостью, обозначавшею ту эпоху, он отправился от берегов Атлантического моря, взяв с собою сто восемьдесят испанцев и тысячу индейцев. Он преодолел все трудности пути и невредимо прошел через поколения враждебных туземцев. Вид безбрежного моря, еще никогда не представлявшегося двору человека образованного, вполне вознаграждал его. Он в умилении благодарил Всевышнего за такую благодать. Как христианин, он молился; как рыцарь, вошел до пояса в волны моря, во всеоружии, будто готовый на сражение, и громко объявил, «что он берет во владение этот второй океан, со всем, что в нем находится, во имя короля кастильского и арагонского; что это право владения он готов защищать мечом и копьем против христиан и неверных» (*con su lanza y su espada*). В заливе Сан-Мигуэле впервые раздалась слова эти.

Спустя четыре года после открытия Нового Океана¹ преемник и враг Балбоа² основал Панаму³, в семидесяти милях от Сан-Мигуэля в НО.

С той поры Панاما стала складочным местом для европейских товаров и драгоценных металлов Южной Америки; она стала рынком для расторжки между Ста-

¹ *Новый океан* — имеется в виду Тихий океан.

² Интересные подробности о жизни Балбоа находятся в сочинении Квинтона [Кинтаны] и Ирвинга Вашингтона. — *Примеч. авт.*

³ *...преемник и враг Балбоа основал Панаму.* — г. Панамы основан в 1518 г. испанским конкистадором П. Ариасом де Авиллой.

рым и Новым Светом; к этим местным выгодам Панама присовокуплялись жемчужные ловли; и долгое время панамский жемчуг составлял весьма важную ветвь промышленности, хоть и уступал ост-индскому.

Панама долгое время представляла великолепный вход в те земли, куда корысть, жажда славы и золота привлекали толпы выходцев. Роскошь и невероятное богатство жителей Панама вошли в пословицу и возбудили алчность дерзких пиратов, которые в XVII столетии объявили непощадную войну испанско-американской монополии — я говорю о буканьерах и флибустьерах¹.

Между тем благоденствие Панама исчезало вместе с громким именем морских разбойников. Испания вела свои сношения с Перу и Чили, огибая мыс Горн или посылая корабли свои в пролив Магеллана. Узенькая полоска земли, разъединяющая два океана, утратила коммерческий вес. Вымощенная дорога, проложенная испанцами от Горгоны и Крузеса [Крусеса] до Панама, еще доныне очень заметная, исчезла под силою тропической растительности. Панама была совершенно забыта. Даже путешественники и самый Гумбольдт², неутомимо искавшие возможности соединить каналом

¹ *Буканьеры и флибустьеры* — пираты, морские разбойники, нападавшие на суда европейских (в основном испанских) и американских купцов.

² *Гумбольдт Александр* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель и путешественник. Исследовал природу Европы и Америки. Труды ученого оказали большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании.

два океана, не удостоили заброшенного города своим посещением, а между тем прежние посетители Панама говорят, что таких высоких зданий, церквей и монастырей не было во всей Вест-Индии.

В непробудном, мертвенном сне оставалась Панама до 1840 г., когда предприимчивый Вильврейт учредил пароходное сообщение между Европою, Чилийскою Республикою, Боливиєю и Эквадором; но этот ежемесячный транзит, как гальванический аппарат, как удар вольтова столба, приводил только в содрогание безжизненный труп Панама: на новую жизнь, на блестящую будущность вызвала ее Калифорния.

Панама теперь похожа на змею, обновившую свою кожу: это обновление заметно на каждом шагу. Дома старой испанской архитектуры, церкви в стиле мавританском, обширные монастыри, крепостные стены с огромными пушками представляют развалины, из которых ныне возвышаются еще, как привидения, другие разбросаны, как белеющие кости. Напрасно воображение силится создать из них целое: развалины эти, обломки, заросшие, покрытые роскошною тропическою растительностью, вы непременно отнесете к первой эпохе христианства, если не вспомните истории и не примете в расчет климата. Но десять лет под небом тропиков делают такие превращения, которые едва ли возможны векам в других широтах, при дождях менее обильных.

Не одни ползущие растения, не одни кустарники прорезают камни, пускают корни в плитах строений: иногда из расщелин старой стены глаз наш поражен

стройною пальмой в тридцать футов, которая балансирует в воздухе, словно ловкий акробат. Так природа набрасывает свой зеленеющий покров, одевает в молодое платье здешнюю старость, над которою тем более задумаешься, что она рановременна.

В Панаме возрождение везде сталкивается с разрушением: здесь истинный мертвый или умирающий город, там город-космополит, уж сильный в колыбели. Лавки, заваленные товарами, беспрестанное движение, торговая деятельность, звуки разных наречий, одновременно поражающие слух, корабли, пароходы, приходящие из дальних земель или идущие в гавани, — вот свидетели возрождения. Из семи тысяч жителей, прозябавших в Панаме, народонаселение быстро возросло до тридцати тысяч, и эта цифра не остановится долго.

Калифорнские выходцы то возвращаются в Европу и в Соединенные Штаты, то идут в Калифорнию. Они идут партиями в две и три тысячи. Множество гостиниц устроено в Панаме для этого переходного народонаселения; по большей части их содержат североамериканцы. Эти гостиницы почти всегда набиты путешественниками: в каждой комнате человек по 10 и по 12-ти. Мне пришлось жить в тесной комнате, где было шесть кроватей.

Что это была за комната! Боже милосердный! Пол прогнил; штукатурка по стенам буграми, почерневшая от паутин и пыли; под тяжестью лет согбенный потолок; парусина, натянутая на деревянных крестах, представ-

ляла кровать; стол, шатающийся от слабости, и два стула, обтянутые кожей, вероятно, позабытые флибустьерами в XVII столетии. Этот приют пришлось мне делить в продолжение двух недель с крысами, мошками всех родов, пауками большего и малого размера, тараканами и разнородными ящерицами, не считая скорпионов, стоножек и глазу невидимых *niguas*¹.

Последнее насекомое — сущий бич тропической Америки. *Нигва* впивается в кожу, проникает в поры, угнездывается под ногтем; только через несколько часов она докладывает о своем присутствии невыносимым зудом. Больное место пухнет, краснеет и обращается в ядовитую рану. То же самое насекомое, под названием *bischy*, я часто видал в Бразилии, в Рио-Жайнеро [Рио-де-Жанейро]. Она — едва ли не главная причина болезни, известной под именем *elephantiasis*², так часто свирепствующей между неграми. Я сам испытал укушение нигвы со всеми последствиями: почувствовав сильный зуд в пальце ноги моей, я полагал, что муха или комар укусили меня. На другой день утром я очень испугался, увидев на пальце воспалившуюся рану и большое черное пятно. Я думал, что мне придется расстаться с пальцем; тут в голову мне пришла операция и даже смерть. Я пошел к доктору. На дороге молодая, бойкая мулатка, стоявшая у дверей своей лавочки, в которой она торговала разными напитками, спросила меня, куда я так то роплюсь.

¹ Нигвы (*исп.*).

² Слоновая болезнь (*лат.*).